

ВЛИЯНИЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ НА ГЕРМАНСКОЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (1871 — 1872 гг.)

В. С. Алексеев-Попов

Наша страна, страна победившего социализма, закономерно стала важным центром научного изучения истории Парижской Коммуны. Основываясь на научных исследованиях истории Парижской Коммуны К. Марксом и Ф. Энгельсом, руководствуясь глубочайшим анализом её сущности и значения, данным В. И. Лениным и И. В. Сталиным, советские историки проделали немалую работу по изучению истории Коммуны, выдвигая новые проблемы, привлекая новые источники, разоблачая буржуазных фальсификаторов и клеветников¹.

При этом, однако, в изучении истории Парижской Коммуны имеется ещё ряд серьёзных недостатков и пробелов, одним из которых является неразработанность такой важной темы, как Коммуна и европейский пролетариат. Между тем классики марксизма-ленинизма в своей оценке Коммуны постоянно подчёркивали её интернациональный характер и огромное международное значение. По словам Маркса, Парижская Коммуна была «...интернациональной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединяла к Франции рабочих всего мира»². Энгельс писал, что «историческое величие придал Коммуне ее в высшей степени интернациональный характер, тот отважный вызов, который она бросила всякому чувству буржуазного шовинизма»³.

Ленин и Сталин в оценке сущности и значения Коммуны, её опыта, её «уроков» также исходили из понимания Коммуны как явления интернационального характера и масштаба. Парижская Коммуна, писал В. И. Ленин, «...боролась не за какую-нибудь местную или узко-национальную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных»⁴.

Парижская Коммуна оказала огромное революционизирующее воздействие на рабочее движение капиталистического мира, и в первую очередь на рабочий класс Германии, куда в силу бурного роста германского капитализма стал перемещаться центр мирового революционного движения того времени.

Оценивая в 1874 г. состояние немецкого рабочего движения, Энгельс писал: «Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?»⁵.

В. И. Ленин расширил и углубил понимание сущности и значения Парижской Коммуны, выделив и подчеркнув главные направления воздействия Коммуны. «Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше

¹ См. Л. Якобсон. Советские историки о Парижской Коммуне. «Советская книга», 1946, № 5, стр. 29—42.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. II, стр. 320.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. II, стр. 283.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 115.

⁵ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат. 1952, стр. 17.

двух месяцев столицу мира, зрелище героической борьбы пролетариата и его страдания после поражения, — все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды»⁶. Конкретное значение Коммуны для общепролетарской борьбы В. И. Ленин видел в том, что «она всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны, она рассеяла патриотические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции»⁷.

Эти указания классиков марксизма-ленинизма определяют пути и цели изучения влияния Коммуны на международное рабочее движение. Между тем этой теме не только посвящено крайне мало работ, но и самая постановка вопроса в них в методологическом отношении неудовлетворительна. Изучение влияния Коммуны до сих пор в большинстве случаев подменялось описанием непосредственных откликов на неё, так как объект этого влияния — рабочее движение данной страны — рассматривался в статике, а не в процессе его развития⁸. Это отступление от одного из основных требований марксистско-ленинского метода исторического исследования и обусловило неполноценность результатов исследований данного вопроса.

Открытие классиками марксизма-ленинизма основных закономерностей развития рабочего движения дало возможность историкам глубоко и плодотворно изучать развитие рабочего движения в каждой стране и проследивать влияние, которое оказывают на него события в других странах, вся международная обстановка.

Одна из важных закономерностей развития рабочего движения получила своё выражение в открытом Ф. Энгельсом и развитом И. В. Сталиным законе развития больших рабочих партий через преодоление внутривнутрипартийных противоречий путём борьбы.

И. В. Сталин показал, что этот закон имеет всеобщую силу и значение. «Этот закон является законом развития для всех сколько-нибудь больших партий, всё равно, идёт ли речь о пролетарской партии СССР или о пролетарских партиях на Западе»⁹.

Этот закон сохранял свою силу и в рассматриваемый нами период истории немецкого рабочего движения, несмотря на то, что борьба революционного и оппортунистического течений в этом движении до 1875 г. шла не внутри одной рабочей партии, а между двумя самостоятельными партиями — эйзенхакской партией, партией марксистов, и другой рабочей партией, дассальянской¹⁰.

Охарактеризовав это своеобразное явление как раскол германского социализма¹¹ и вскрыв его исторические причины, В. И. Ленин рассматривает борьбу этих партий именно как борьбу двух противоположных

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 115.

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 439.

⁸ Только намечена, но не развита излагаемая ниже точка зрения и в очерке автора этих строк «Рабочий класс Германии в дни Парижской Коммуны» (приложение к книге А. И. Молока «Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 года». Л. 1939, стр. 133—196). К сожалению, тема «Коммуна и международный пролетариат» оказалась совершенно не освещённой в ценной монографии П. М. Керженцева «История Парижской Коммуны 1871 г.». М. 1940; здесь приведены (стр. 471, 524—527) лишь выступления в защиту Коммуны представителей мелкобуржуазной интеллигенции — Бизли, Гаррисона, Линтона.

⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 8.

¹⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 265.

¹¹ См. там же.

тенденций, всегда являющуюся движущей силой развития рабочего движения. «Один план социал-демократической политики и работы вообще был у Либкнехта, другой — у Швейцера»¹².

Как два противоположных идейных течения в будущей единой партии, временно принявших форму самостоятельных партий, рассматривал эйзенахцев и лассальянцев и Ф. Энгельс. И. В. Сталин, излагая названный выше закон, приводит следующее место из письма Ф. Энгельса Э. Бернштейну (тогда ещё революционному марксисту) от 20 октября 1882 г.: «Повидимому, в с я к а я рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития вообще». И, приводя именно интересующий нас пример, Энгельс заключает: «Германская партия стала тем, что она есть, в борьбе эйзенахцев и лассальянцев, где даже сама драка играла важную роль»¹³. Ещё более определённо выражена эта точка зрения Энгельса в его позднейшем замечании о том, что объединение этих партий, происшедшее в 1875 г., представляло собой «...слияние двух частей социалистической партии в Германии»¹⁴.

Таким образом, успешное изучение влияния Коммуны на немецкое рабочее движение возможно только при условии рассмотрения происходившей в этом движении борьбы революционного и оппортунистического течений. Решение этой задачи, в свою очередь, требует учёта особенностей всего процесса исторического развития Германии в данный период.

«1848—1871 гг. в Германии,— указывал В. И. Ленин,— были эпохой революционной и контрреволюционной борьбы двух путей объединения (= решения национальной проблемы буржуазного развития Германии), пути через великогерманскую республику и пути через прусскую монархию. Только к 1871-му году второй путь окончательно... победил... И тогда умер спор лассальянцев с эйзенахцами. И тогда умер вопрос об общедемократической революции в Германии»¹⁵.

Следовательно, в момент наивысшего подъёма революционного пролетарского демократического движения во Франции в опруссаченной Германии восторжествовала юнкерско-буржуазная контрреволюция, утвердился «обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм...»¹⁶, внутренняя политика которого была направлена на подавление революционного рабочего и демократического движения.

Однако многолетняя неустанная борьба Маркса и Энгельса за создание подлинно рабочей политической партии в Германии, беспощадное разоблачение ими лассальянского оппортунистического националистического сектанства, выработанная и проводимая под руководством Маркса и Энгельса «последовательно-демократическая и революционная тактика Бебеля и Либкнехта... их «неуступчивость» национализму... их непримиримость по отношению к объединению Германии и обновлению ее «сверху»»¹⁷ не только помогли в 1869 г. заложить фундамент социал-демократической рабочей партии, но и дали ей возможность выдержать суровые испытания франко-прусской войны 1870—1871 гг., а затем использовав мощный толчок, который Коммуна дала социалистическому движению, нанести лассальянцам глубокое морально-политическое поражение.

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 363.

¹³ И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 8—9; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Огиз. Госполитиздат. 1947, стр. 358.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. II, стр. 286.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 104.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 284.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 266.

«И история оправдала Бебеля и Либкнехта, несмотря на то, что Германия объединилась по-бисмарски»¹⁸.

Таким образом, «спор» между лассальянцами и эйзенахцами «умирал» не автоматически, не в обстановке сглаживания противоречий внутри рабочего движения, а, наоборот, в условиях чрезвычайно обострившейся идейной борьбы, в напряжённой схватке двух в корне противоположных, непримиримых мировоззрений.

Исследуя влияние Коммуны на немецкое рабочее движение, необходимо осветить ход и вскрыть основное содержание этой борьбы, показать, насколько она усилилась в дни Коммуны, показать, что в значительной степени именно благодаря благотворному влиянию Коммуны на идейную борьбу внутри германского рабочего движения Бебель и Либкнехт через несколько лет смогли «объединить две рабочие партии и обеспечить гегемонию марксизма в единой партии»¹⁹. (Настоящая статья и содержит преимущественно постановку этих вопросов, отнюдь не претендуя на их исчерпывающее освещение.)

И. В. Сталин говорил, что франко-прусская война явилась первым испытанием для молодой социал-демократической рабочей партии Германии. Возникновение рабочего правительства в Париже, у стен которого стояли германские войска, поставило партию и шедший за ней интернациональный авангард рабочего класса перед несравненно более сложным испытанием. В эти дни подверглись суровой проверке верность партии принципам пролетарского интернационализма, зрелость классового сознания передовых рабочих Германии.

Прусские юнкеры рассчитывали уже после капитуляции Парижа (28 января 1871 г.) расправиться с этим очагом революции, но вместо этого вынуждены были в бессильной ярости «почтительно остановиться перед этой вооруженной революцией и салютовать ей!»²⁰. Во сколько же раз возросли их злоба и ненависть, когда власть в Париже перешла к первому в мире рабочему правительству! Ведь, подняв красное знамя, парижский народ бросил вызов как французскому трёхцветному знамени, развевавшемуся в Версале, так и немецкому трёхцветному знамени, развевавшемуся на фортах, занятых пруссаками. Не дать революционизирующему влиянию Коммуны распространиться на немецких солдат, на рабочих Германии, чьи умы уже и так были возбуждены событиями войны, не дать разгореться во Франции революционной войне против германских захватчиков — таковы были основные цели и задачи политики Бисмарка по отношению к Коммуне, определившие интервенционистский характер этой политики, роль Бисмарка как наёмного убийцы Коммуны.

Немецкая буржуазия, павшая ниц перед Бисмарком, уже после побед Пруссии в династических войнах 1864—1870 гг., теперь, под влиянием революции 18 марта, делает ещё один резкий поворот вправо. «Железный канцлер», которого Коммуна, по его собственному признанию, заставила пережить первую бессонную ночь, имел впоследствии веские основания со злорадством констатировать значительные масштабы отхода германской буржуазии от либерально-умеренного умонастроения к консервативному.

Готовность буржуазии окончательно признать политическое главенство юнкерства, ярко выраженное в реакционной конституции прусско-германской империи, сделала возможным дальнейшее сближение этих классов перед лицом их общего врага — пролетариата. «Для немецких

¹⁸ Там же, стр. 265.

¹⁹ Там же, стр. 266.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. II, стр. 87.

рабочих начинается теперь трудное время: повидимому, состоялось решение, что они должны послужить жертвой, при заклинании которой произойдет примирение между помещиками и буржуазией»²¹. Так писал 10 марта 1871 г. разгадавший эти планы Энгельс членам Интернационала в Германии — К. Клейну (в прошлом члену «Союза коммунистов», участнику революции 1848 г.) и Ф. Моллю. В лице этих ветеранов рабочего движения Энгельс призывал всех его борцов не страшиться предстоящих преследований: они лишь «придадут нам еще больше силы, и когда, опьяненная победами, буржуазия протрезвится и у нее начнется похмелье, нашей партии снова представится случай сказать свое слово»²².

Революция 18 марта 1871 г. и провозглашение Коммуны потребовали от передовых рабочих Германии немедленно и громогласно сказать это своё веское слово.

22 марта 1871 г. редакция органа эйзенахцев — газеты «Volksstaat», — публикуя первое краткое сообщение о событиях в Париже, предупреждала своего рабочего читателя: «По последним известиям, Бисмарк и его партия намерены возобновить войну с целью уничтожить или ослабить французскую республику. Согласится ли на это немецкий народ?»²³.

Это первое слово, произнесённое представителями революционного крыла рабочего движения, которое Маркс и Энгельс в широком смысле слова называли «наша партия», выражало правильное представление о классовом составе нового, рабочего правительства и было проникнуто чувством солидарности с происшедшей революцией. Подчёркивая миролюбие рабочего правительства, газета смело противопоставляла ему агрессивные намерения Бисмарка и «его партии», сигнализировала об угрозе германской интервенции.

Газету в те дни редактировал А. Гепнер. А. Бебель и В. Либкнехт лишь 28 марта 1871 г. были освобождены из предварительного заключения по обвинению в «государственной измене». Тогда же были освобождены из крепости члены Центрального (так называемого Брауншвейгского) комитета социал-демократической партии. Тотчас же после своего освобождения Либкнехт 1 апреля 1871 г. обратился к Марксу: «Напиши мне немедленно твои соображения о парижских событиях, в тюрьме я читал только национально-либеральную газету и, следовательно, не в курсе дела»²⁴.

«Дорогой Либкнехт!

Известие, что ты и Бебель, а также и брауншвейгцы освобождены, было здесь, в Центральном совете, встречено великим ликованием»²⁵, — отвечал Маркс 6 апреля. Выполняя просьбу Либкнехта, он анализирует ход борьбы Коммуны, подвергает острой критике ряд допущенных ею серьёзных ошибок, настойчиво предупреждает против использования каких бы то ни было материалов о ней, появляющихся в буржуазной печати:

«Из всего того хлама, который ты находишь в газетах о внутренних событиях в Париже, ты не должен верить ни одному слову. Все это — ложь и обман. Никогда еще буржуазное подлое газетомарание не проявлялось в таком блеске»²⁶.

В этих условиях, естественно, особенно большое значение приобретала газета «Volksstaat», как орган единственной тогда политической рабочей партии (Генеральный совет Интернационала своего собственного печат-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 97.

²² Там же.

²³ «Der Volksstaat». Organ der Social-demokratischen Arbeiterpartei und der Internationalen Gewerksgenossenschaften, 22 марта 1871 года.

²⁴ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы». М. 1941, стр. 178.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 102.

²⁶ Там же.

ного органа весной 1871 г. не имел). Вот почему Маркс просит Либкнехта прислать «надёжный адрес в Лейпциге» и пишет: «Volksstaat» необходимо теперь во что бы то ни стало сохранить. Я надеюсь достать на это денег»²⁸.

«Надёжный адрес» в Лейпциге был, видимо, найден, так как, несмотря на все старания германской тайной полиции во главе с пресловутым Штибером, письма в Лондон и оттуда, от Маркса и Энгельса (а также от писавших по поручению Маркса его жены и дочери Женни), содержавшие ряд ценных материалов о Коммуне, исправно доходили по назначению. Это потребовало больших предосторожностей, так как одна уже переписка с ним считалась тогда в Германии «государственной изменой»²⁹.

Чрезвычайно большое значение для понимания сущности Коммуны имеют письма Маркса к находившемуся в Германии члену Первого Интернационала Людвигу Кугельману. В одном из писем Кугельман жаловался, что получает «только буржуазные газеты», из которых не может составить себе правильной картины событий в Париже, и просил Маркса придти к нему на помощь³⁰. И Маркс в ряде писем разъяснил ему сущность Коммуны.

«Оценка Марксом Коммуны — венец писем к Кугельману»³¹, — указывает Ленин. Эти письма сослужили важную службу в уяснении сущности и значения Коммуны также и определённым кругом близко соприкасавшихся с Кугельманом лиц из числа немецких «интернационалистов». Энгельс указывал также, что путём переписки различных секретарей Генерального совета Интернационала с секциями континента и Соединённых Штатов «рабочим всюду был разъяснен истинный характер этой великой революции Парижа»³². Сам Маркс написал по делу коммунаров несколько сот писем во все концы света, где только существовали секции Интернационала. Напомним, что выполнение обязанностей секретаря Генерального совета для Германии Маркс взял на себя лично. Его чрезвычайно участвовавшая весной 1871 г. переписка с В. Либкнехтом и Л. Кугельманом имела решающее значение для уяснения авангардом немецкого рабочего класса сущности и исторического значения происходивших в Париже событий, для правильного понимания того, что В. И. Ленин называет «истинным смыслом и целями» Коммуны. В этих своих широко известных письмах, как и в переписке с коммунарами, и во всех своих произведениях, посвящённых Коммуне, Маркс предстаёт пред нами как практический советчик пролетариата, как непосредственный участник борьбы масс.

«Рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения»³³, — с нескрываемой радостью и законной гордостью сообщал Маркс руководителям рабочего правительства в Париже. Наиболее отчётливо и внушительно продемонстрировал это рабочий класс Германии. Немецкие рабочие проявили наиболее единодушно и организованно, в подлинно массовых масштабах охватившее их горячее чувство солидарности с коммунарами. Энгельс имел все основания утверждать в июне 1871 г., что «германские рабочие держались в этом последнем большом кризисе превосходно, лучше всех остальных»³⁴.

Волна многочисленных собраний, посвящённых Коммуне, прокатилась весной 1871 г. не только по крупнейшим городам Германии (Берлин, Гамбург, Бремен, Киль, Эссен, Бармен, Кёльн, Кассель, Майнц, Дрез-

²⁸ Там же, стр. 104.

²⁹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы», стр. 29.

³⁰ См. там же, стр. 199.

³¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 87.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 112.

³³ Там же, стр. 118.

³⁴ Там же, стр. 128.

ден, Лейпциг, Хемниц, Мюнхен, Нюрнберг, Бреславль (Вроцлав) и др.), но охватила и рабочих и ремесленников, живших в столь многочисленных в Германии тех лет небольших городках и местечках (в первую очередь, конечно, сравнительно промышленно развитых).

Под непосредственным воздействием героической борьбы коммунаров Парижа значительно усилилась стачечная борьба рабочих Германии. Она отличалась своим массовым и наступательным характером, возросшим упорством стачечников (стачки сапожников, каменщиков и столяров Берлина, 8 тыс. машиностроителей и литейщиков Хемница, 1 тыс. рабочих Кёльнских мастерских Рейнского железнодорожного общества в 1871 г., строителей и табачников в 1872 году). Весьма показательны для роста организованности рядов рабочего класса такие факты, как борьба рабочих Берлина в октябре 1871 г. за создание единой, централизованной стачечной кассы, образование ряда новых организаций (например, союза женщин-работниц), созыв I и II всегерманских съездов ткачей и т. д.

Страстные выступления рабочих ораторов; резолюции и приветственные обращения к коммунарам, полные чувства горячей симпатии и солидарности, выражавшие признание их роли как передовых борцов в великой битве труда против капитала; провал попыток отдельных представителей буржуазии выступить с клеветническими «обвинениями» Коммуны; многочисленные статьи рабочей социал-демократической печати, дававшие верную общую оценку Коммуны и её отдельных мероприятий, прославлявшие интернационализм и миролюбие Коммуны и противопоставлявшие им звериный шовинизм правящих и имущих классов Германской империи, разоблачавшие интервенцию «берлинских версальцев», возглавляемых Бисмарком; наконец, подлинно «громовая» речь в рейхстаге молодого вождя германских рабочих Августа Бебеля в защиту Коммуны — таковы были основные положительные моменты этого движения. Основная его слабость заключалась в том, что оно не переросло (да и не могло при тогдашнем соотношении сил перерасти) в активное революционное выступление в защиту Коммуны, против помощи, широко оказывавшейся Тьеру Бисмарком. Этому, в частности, препятствовала разлагающая деятельность агентуры буржуазии в рабочем движении — банды лассальянцев.

Несмотря на «покровительство» Бисмарка и все ухищрения Швейцера, лассальянская секта неуклонно разлагалась, но ещё продолжала пользоваться значительным влиянием в среде рабочего класса.

Процесс дискредитации лассальянских вожаков и рост влияния эйзенхатцев особенно ускорились в дни острого внутривнутриполитического кризиса, вызванного франко-прусской войной. Швейцер и К^о, объявив её «войной за социализм» (?!), с невиданным цинизмом обнаружили своё прислужничество бисмарковщине, пруссачеству, национализму. Их поведение в эти дни, являвшееся прообразом позорной измены правых лидеров германской социал-демократии интересам рабочего класса в годы первой мировой войны, служит одним из ярких доказательств справедливости положения Ленина о том, что социал-шовинист — это законченный оппортунист. В начале франко-прусской войны «все слои германского общества от буржуа до рабочих охватываются ложным патриотическим жаром»³⁵. В противоположность лассальянцам Бебель и Либкнехт сразу же заняли резко отрицательную позицию по отношению к войне. Бебель, «не считаясь с «патриотическими» предрассудками, не боясь плыть против течения, громкогласно заявляет с парламентской трибуны: я, как социалист и республиканец — не за войну, а за братство народов, не за вражду с французскими рабочими, а за объединение с ними наших германских рабочих»³⁶.

³⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 204—205.

³⁶ Там же, стр. 205.

Выполняя указание Маркса не сливаться с буржуазией, а отстаивать самостоятельные классовые интересы пролетариата³⁷, Бебель и Либкнехт удачно использовали саморазоблачение лассальянцев и, несмотря на всё возраставшие репрессии, развили активную антивоенную, интернационалистскую пропаганду. Превращение войны за воссоединение Германии после событий 2—4 сентября 1870 г. (капитуляция Наполеона III при Седане, революция и провозглашение республики во Франции) в открыто захватническую, грабительскую войну создало предпосылки для развёртывания эйзенахцами массового антивоенного движения под лозунгами Интернационала.

Так революционное течение в немецком рабочем движении благодаря непрестанному и активному воздействию на него Маркса и Энгельса выдвинуло на авансцену политической борьбы «интернациональный авангард» рабочего класса. Уже тогда многие рабочие, поняв ошибку, совершённую ими в начале войны, «...ещё больше возлюбили своего стойкого, сильного Бебеля»³⁸. Всё это заставило «даже прохвоста Швейцера подчиниться руководству Л[ибкнехта] и Б[ебеля]»³⁹; он не осмеливался больше голосовать за военные кредиты, не решался открыто поддерживать требования аннексии и контрибуции, хотя, конечно, и не участвовал в борьбе против осуществления этих планов.

В свете этих фактов прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что движение солидарности с коммунарами охватило сразу же как членов социал-демократической партии и шедшие за ними более широкие круги рабочих (особенно в Саксонии), так и массу рядовых членов основанного Лассалем «Всеобщего германского рабочего союза», пользовавшегося влиянием главным образом на севере Германии. Шайка прохвостов, выкормленных Лассалем, и особенно её главарь — президент «Союза» Швейцер, — оказались в крайне затруднительном положении. Включиться самому в это движение да ещё быть вынужденным под давлением снизу руководить им значило для Швейцера бесповоротно скомпрометировать себя в глазах Бисмарка и лишиться как поддержки правительства, при помощи которой он сохранял свою диктатуру в «Союзе», так и платы за услуги, оказываемые им Бисмарку. Открыто выступить против Коммуны или даже пытаться скрытно саботировать стихийно нараставшее в местных лассальянских организациях движение солидарности с её героическими борцами значило скомпрометировать себя в глазах членов этих организаций, в глазах широких рабочих масс, уже с лета 1870 г. заподозривших в нём платного агента Бисмарка. Это значило подтвердить обвинение эйзенахцев в том, что он «придворный социалист». То, что Швейцер очутился в эти дни именно перед такого рода дилеммой, подтверждают следующие факты. Рабочие Эльберфельда одними из первых подняли свой голос солидарности с коммунарами, отправив им в последних числах марта приветственное обращение. Второй экземпляр этого обращения был послан в Лондон. 4 апреля 1871 г. секретарь Генерального совета Интернационала Эккарнус, пересылая обращение члену Коммуны Франкелю, писал: «Я только что получил из Германии прилагаемое воззвание для отправки его в Париж. Отправители боятся, что посланный ими экземпляр не будет получен»⁴⁰.

То, что первыми в Германии восторженно приветствовали Коммуну именно рабочие Эльберфельд — Бармена, имело для Швейцера особенно большое значение. Дело в том, что с момента введения всеобщего избирательного права этот округ стал одним из основных районов влияния лассальянцев, «опорным пунктом» самого Швейцера, избранного здесь в

³⁷ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 280.

³⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 205.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 82.

⁴⁰ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы», стр. 179.

1867 г. в рейхстаг Северогерманского союза. В марте же 1871 г. на выборах в первый имперский рейхстаг он потерпел здесь поражение. В то же время Бебель, обвинённый в «государственной измене», брошенный по указке Бисмарка в тюрьму, подвергавшийся яростной травле за свои мужественные выступления против войны, вновь одержал победу в округе Глаухау — Мееран, депутатом от которого он был с 1867 года. И это несмотря на то, что выборы, сознательно назначенные Бисмарком через несколько дней после подписания предварительных условий грабительского мирного договора с Францией, проходили в обстановке разгула шовинистических страстей опьянённых победами юнкерства и буржуазии, то есть в условиях, крайне неблагоприятных для социал-демократической партии.

Когда эльберфельдские рабочие не только провалили Швейцера на выборах в рейхстаг, но и первыми высказали свои симпатии к ненавистной ему Коммуне, на страницах органа «Всеобщего германского рабочего союза» газеты «Sozial-Demokrat», принадлежавшей лично Швейцеру, появилось (24 марта 1871 г.) заявление Швейцера о его отходе от политической деятельности. Истинные причины «ухода» Швейцера были раскрыты В. Либкнехтом в «Народном государстве»: «Эльберфельдские избиратели г. фон Швейцера отправили парижанам адрес, в котором они горячо поздравляют их с успешной революцией. Что скажет на это г. Швейцер? Вероятно, это и объясняет его внезапную отставку? Он ушел в отставку потому, что был отставлен»⁴².

Маркс ещё в 1869 г. выражал уверенность, что остатки «лассальянской детской болезни» «будут изжиты при помощи простой изоляции сектантов»⁴³. Главарь этих сектантов предпочёл, как видим, капитулировать без боя; лассальянская банда осталась без «головы». В этом заключается одно из проявлений влияния Парижской Коммуны, весьма важное для всего последующего хода борьбы течений в немецком рабочем движении.

Тревога охватила в конце марта — первой половине апреля не только отдельных представителей правящих и имущих классов Германии, но и различные звенья военно-полицейского и административного аппарата империи.

К этому времени относится подготовка Бисмарком мер для ареста Маркса в случае его приезда в Германию. «Гражданин Маркс объявляет, что прусская полиция ждёт его приезда в Германию и готовится арестовать его»⁴⁴. — читаем в протоколе заседания Генерального совета Интернационала от 18 апреля 1871 года. Подготовка Бисмарком этого шага была вызвана, конечно, ростом популярности вождя Интернационала в связи с борьбой Коммуны, являвшейся его духовным детищем. «Ты всё больше становишься героем дня»⁴⁵. — сообщил Марксу Либкнехт 25 апреля 1871 года.

Немецкое рабочее движение стало развиваться рука об руку с французским. Коммуна подняла в Германии новую сильную волну социалистического движения. В этом воочию убеждались и враги и друзья социализма, одни со страхом и ненавистью, другие с радостью и надеждой, наблюдая, как с каждым днём растёт и ширится движение солидарности немецких рабочих с коммунарами. 18 апреля Энгельс сообщил членам Генерального совета Интернационала: «В Германии происходят собрания для выражения сочувствия Коммуне»⁴⁶. С особенной радостью узнавали об этом сами коммунары, до которых через кольцо

⁴² «Der Volksstaat», 12 апреля 1871 года.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 208.

⁴⁴ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы», стр. 40.

⁴⁵ Там же, стр. 197.

⁴⁶ Там же, стр. 40.

блокады доносились эти ликующие приветственные возгласы. «Германские социалисты продолжают посылать в Париж поздравления и ободряющие приветствия»⁴⁸, — писал официальный орган Коммуны.

Несмотря на скудость информации, орган Коммуны, оказывается, располагал разнообразными сведениями о политической позиции революционного крыла рабочего движения в Германии. В номере от 25 марта мы находим сообщение о предъявленном Бебелю, Либкнехту и Гепнеру обвинении в «государственной измене» с пояснением, что они после Седана не переставали протестовать против продолжения войны⁴⁹. 5 апреля газета сообщала, что они, равно как и члены ЦК социал-демократической партии, освобождены из предварительного тюремного заключения. Наибольшее значение имеет тот факт, что в номере от 5 мая полностью излагается приветственное обращение к коммунарам трёх тысяч рабочих Ганновера, включая и содержание заключительного его абзаца, который редакция лассальянского «Sozial-Demokrat» при опубликовании этого документа скрыла от рабочего читателя. Этот абзац был изложен следующим образом: «Кроме того ганноверские социалисты, не довольствуясь защитой и полным одобрением движения 18 марта, заявляют о том, что германская демократия (имеется, конечно, в виду социал-демократия. — Авт.) с нетерпением ждёт момента, когда она сможет последовать этому прекрасному примеру».

Уйдя 24 марта в отставку, Швейцер продолжал до 1 июля выполнять обязанности президента «Всеобщего германского рабочего союза». Ни разу за всё время существования Коммуны он не обмолвился о ней ни одним словом, хотя его враждебное отношение к революции 18 марта не вызывает у нас никаких сомнений. Печать лассальянцев — выходявшие в Берлине газеты «Sozial-Demokrat» и «Agitator» в отличие от органа эйзенахцев либо скрывали либо искажали классовый характер этой революции. Это достигалось такими туманными, бессодержательными формулировками, как, например, следующая: «...конечной целью разгоревшейся борьбы должно стать не новое рабство, а свобода, равенство и братство». Когда «Sozial-Demokrat» заявлял 22 марта, что «опять светит солнце мартовских дней», то этим отождествлением начавшейся в Париже пролетарской революции и буржуазно-демократической революции 1848 г. в Германии он сознательно дезориентировал своих рабочих читателей. Однако рядовые члены «Всеобщего германского рабочего союза» не дали себя обмануть при помощи этих уловок, и их суждение о классовой сущности и значении событий в Париже резко расходилось с точкой зрения лассальянских вожakov. Ухищрения же «Sozial-Demokrat» привели лишь к тому, что рабочие отвернулись от этой газеты. Её тираж резко снизился, образовался большой дефицит, и Швейцер вынужден был 26 апреля 1871 г. её закрыть. 24 июня 1871 г. та же участь постигла и газету «Agitator». Так главарь лассальянцев потерял вторую и последнюю опору своей диктатуры во «Всеобщем германском рабочем союзе».

Первыми в движение солидарности с Коммуной вступили организованные рабочие Северной Германии, либо непосредственно являвшиеся членами ВГРС («Всеобщего германского рабочего союза») (Берлин, Альтона, Гамбург, Бремен) либо находившиеся до этого времени под его влиянием. Примечательно, что и в Саксонии первым из известных нам собраний, посвящённых Коммуне, было собрание членов организации «Союза» в Хемнице (1 апреля).

Следует учесть, что организации социал-демократической партии были в это время крайне ослаблены вследствие репрессий, обрушившихся на них за антивоенные выступления (центром которых являлась именно Саксония). Многочисленные аресты и высылки руководителей и активи-

⁴⁸ «Journal officiel de la République Française», 2 мая 1871 года.

⁴⁹ Там же, 25 марта 1871 года.

стов, запрещение печатных органов и т. д. не могли не привести к временному расстройству рядов молодой партии, сразу же после своего возникновения подвергшейся суровым испытаниям войны. «Ты знаешь, что наши лучшие товарищи были втянуты в войну, что жизнь организации, затруднённая репрессиями, оглушённая военной шумихой, в Магдебурге замерла»⁵⁰, — писал руководитель местной социал-демократической организации Ю. Брюмер летом 1871 г. И. Ф. Беккеру. Конечно, и члены ВГРС также оказались втянутыми в войну. Но поскольку те из них, кто не был призван в армию, не выступали, подобно эйзенахцам, осенью и зимой 1870 г. с активным протестом против войны, то они и не подверглись преследованиям. Кроме того ВГРС возник не накануне войны, а за семь лет до неё и, следовательно, имел гораздо больше времени, чем эйзенахцы, для укрепления своей организации.

Но особенно важна другая причина. Если в силу сказанного выше члены социал-демократической партии вступили в движение солидарности с Парижской Коммуной после некоторого промедления, то их последующее активное участие в нём придало движению те масштабы и глубину, которые превратили это движение в одну из ярких страниц истории развития пролетарского интернационализма, обусловили его важное место в формировании лучших традиций немецкого пролетариата.

Первым из собраний, посвящённых Коммуне, было многолюдное собрание членов организации ВГРС в Берлине, состоявшееся 26 марта. Председательствовать на нём был вынужден Швейцер. Тысячью голосов против одного здесь была принята следующая резолюция: «Собрание с радостью приветствует социальную революцию, происшедшую в Париже... как восстание здорового трудящегося народа против разлагающейся буржуазии. Собрание объявляет ложными все обвинения печати и ожидает от победы этой революции установления свободы, равенства, братства и мира в Европе»⁵¹.

В содержании резолюции, как видим, явственно сказалось отрицательное влияние статей лассальянской газеты «Sozial-Demokrat» (некоторые из них были прочитаны и на самом собрании), однако обращают на себя внимание два новых по сравнению с этими статьями положительных момента: характеристика революции как «социальной» и заявление о том, что от её победы собравшиеся ожидают установления мира в Европе.

Как определяли сущность событий, происходивших в Париже, ораторы на рабочих собраниях, что говорили об этом принятые там резолюции и приветственные обращения к коммунарам? «Произошло то, чего мы уже давно страстно желали и чего реакция так страшилась: в Париже провозглашена социальная республика... Париж оказался в руках социалистов», — писали коммунарам 2 апреля 3 тыс. рабочих Ганновера. По их словам, они были «проникнуты правдой слов воззвания ЦК (Национальной гвардии): «Час освобождения рабочих настал: они созрели для господства в государстве». Ряд учреждений, созданных рабочим правительством, в достаточной мере это доказал»⁵². «Во Франции речь идет о борьбе противостоящих друг другу старого общества и социализма», — говорил один из ораторов на собрании рабочих Гамбурга 13 апреля. «Чем больше богатеет меньшинство, тем беднее становятся народные массы, — продолжал он, — сознавая это, социалисты стремятся к уничтожению эксплуатации рабочего класса капиталистами». «Мы выражаем свою полную солидарность с Парижской Коммуной, если она сделает невозможным господство князей, попов и буржуа»⁵³, — заявили рабочие Гам-

⁵⁰ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы», стр. 216.

⁵¹ «Der Sozial-Demokrat», 29 марта 1871 года.

⁵² Там же, 21 апреля 1871 года.

⁵³ Там же, 19 апреля 1871 года.

бурга. «Отважными борцами за освобождение труда» называли коммунаров столяры Берлина; «передовых борцов за социальное освобождение пролетариата» видели в них рабочие Бремена; «парижские рабочие вновь послужили человечеству, как передовые борцы за социализм», — утверждала резолюция одного из рабочих собраний.

Но, конечно, гораздо более глубоко и полно смогли понять и осветить события в Париже руководители эйзенахцев Бебель и Либкнехт, находившиеся под непосредственным идейным воздействием Маркса и Энгельса. Либкнехт в качестве редактора органа социал-демократической партии «Volksstaat», установив крепкую связь с руководителями Интернационала, стремился установить также прямую связь и с коммунарами, но это ему никак не удавалось. «Организируйте для нас присылку с о б щ е н ь и й из Парижа и Франции непосредственно», — просил он Маркса и Энгельса 25 апреля. «С того времени, как вспыхнула рабочая революция, мы вовсе лишены связи, несмотря на мои попытки ее завязать (которые, видимо, не удались из-за Штибера)»⁵⁴, то есть из-за блокады Парижа версальскими и немецкими войсками и прусской тайной полиции. «Может быть, твоя «Минерва» сможет от времени до времени что-нибудь присылать?» — запрашивал Либкнехт Маркса в том же письме (имея в виду дочь Маркса). Однако и этот план не удалось осуществить. Твёрдо помня указание Маркса о том, что он не должен верить ни одному слову о Коммуне «подлого буржуазного газетомаранья», Либкнехт черпал материал о деятельности Коммуны почти исключительно из ее официального органа — «Journal officiel», доходившего до Лейпцига с большим опозданием и, конечно, далеко не регулярно. Лишь изредка редакция «Volksstaat» пользовалась статьями, помещавшимися в органах немецкой мелкобуржуазной демократии. Особенно большую ценность для редакции представляли, конечно, материалы, исходившие непосредственно из Парижа. Среди них мы находим корреспонденцию члена Коммуны Франкеля о её провозглашении (перепечатанную из венской рабочей газеты «Volkswille»), письмо «одного влиятельного члена Коммуны», скорее всего Вайяна, его другу в Южную Германию. Значение первоисточника имели также материалы из Лондона, от лиц, входивших в непосредственное окружение Маркса (например, письмо Женни Маркс о выдающемся деятеле Коммуны Густаве Флурансе).

Историческое значение революции 18 марта определялось для Либкнехта тем, что в Париже, по его словам, кипит жестокая «классовая борьба, в которой решается будущее Европы»; в коммунарах он видел «пролетариат, титанически борющийся с буржуазией», отмечая в то же время участие в революции и мелкой буржуазии. «Должностные лица Коммуны, — писала «Volksstaat», — большей частью рабочие: так, например, Варлен — переплетчик, Пенди — плотник, Амуру — шапочник, Тейс — мороженщик⁵⁵, Дерер — сапожник и т. д. Короче говоря, Коммуна — это рабочее правительство в собственном смысле этого слова: члены правительства получают обычную заработную плату, примерно такую же, какую они получали бы у себя на работе»⁵⁶.

И. В. Сталин, разоблачая «анархистских сплетников», для доказательства того, что Коммуна была «диктатурой пролетариата над буржуазией», а не «диктатурой отдельных лиц над пролетариатом», приводит слова коммунара Артура Арну о том, что с революцией 18 марта «традиция была нарушена. Нечто неожиданное произошло в мире... Вспыхнула революция, которая не была представлена ни адвокатом, ни депута-

⁵⁴ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы», стр. 197.

⁵⁵ Это ошибка: Тейс был резчиком по металлу.

⁵⁶ «Der Volksstaat», 15 апреля 1871 года.

том, ни журналистом, ни генералом. Вместо них рудокоп из Крезе, переплётчик, повар и т. д.»⁵⁷.

Таким образом, в том, что «Volksstaat» показала на фактах своему рабочему читателю это «нарушение традиций», — несомненная заслуга редакции, особенно существенная в условиях германской империи, где и после введения всеобщего избирательного права, вопреки пропаганде ласальянцев, «гарантировавших», что оно приведёт к демократизации государственного управления, последнее (как и рейхстаг) всецело оставалось в руках господствующих классов.

Уделяя главное внимание освещению деятельности Коммуны, газета приводимыми ею изо дня в день многочисленными красноречивыми фактами убедительно доказывала, что в Париже «правят не «кровопийцы» и «разбойники», а что Коммуна действительно представляет интересы рабочих и мелких буржуа»⁵⁸. Когда редакция сообщила о таких социально-экономических мероприятиях Коммуны, как материальная поддержка рабочих семей, потерявших своих кормильцев в период с 18 января по 18 марта 1871 г., отсрочка погашения задолженности по квартирной плате и т. д., то это не могло не вызвать живой реакции со стороны немецких рабочих. Ведь правящие и имущие классы Германии обрекли их на все страдания и бедствия, порождённые кровопролитной войной, взвалили на их плечи все вызванные ею материальные тяготы, а после окончания войны и не подумали чем-либо облегчить тяжелейшее экономическое положение масс, жестоко страдавших от дороговизны, жилищного кризиса, принявшего в начале 70-х годов в Германии, как известно, особенно острые формы.

Отдавая должное героизму коммунаров, прославляя их мужество и отвагу, Либкнехт и Бебель, руководствуясь известными критическими замечаниями Маркса, смогли правильно осветить и слабые стороны деятельности Коммуны. «Версальцы свирепствуют, — писала «Volksstaat» 15 апреля, — а Коммуна стремится к максимальной гуманности, проявляя даже излишнюю умеренность». Известно, что отсутствием должной решительности страдала и социально-экономическая политика Коммуны, в частности в отношении Французского банка, который коммунары оставили фактически в распоряжении своих противников. Бебель не побоялся в своём выступлении в рейхстаге 24 апреля 1871 г. во всеуслышание сосудить этот серьёзнейший недостаток. «Коммуна, — сказал в этой речи Бебель, — поступает по отношению к верхушке денежной буржуазии (den grosen Finanz gegenüber) столь умеренно, как вряд ли поступали бы мы при подобных обстоятельствах в Германии»⁵⁹. Критикуя ошибки Коммуны, Бебель извлекал из них уроки для немецкого пролетариата.

«Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его ошибочно принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи»⁶⁰, — писал Маркс по поводу того «разнообразия истолкований», которое вызвала Коммуна, подлинная сущность которой оставалась «тайной» не только для многих её современников, но даже и для самих её творцов. Наиболее распространённым заблуждением была мысль о том, что революция 18 марта якобы совершена исключительно с целью установления «коммунальных» вольностей Парижа и других городов Франции. Если, например, среди немецких рабочих такая точка зрения являлась результатом их заблуждения, то в руках Бисмарка подобное истолкование Коммуны стало приёмом, при помощи которого он рассчитывал парализовать или, по крайней мере, значительно ослабить революционизирующее воздействие Коммуны на умы немецких рабочих.

⁵⁷ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 368—369.

⁵⁸ «Der Volksstaat», 15 апреля 1861 года.

⁵⁹ August Bebel. Aus meinem Leben. Zweiter Teil. Stuttgart. 1911, S. 221.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. II, стр. 315.

Именно эту цель преследовал Бисмарк, утверждая, что «здравым зерном» борьбы Коммуны являлось якобы её стремление к тому, что в Германии именовалось «прусским городовым положением», к этой, по словам Маркса, «карикатуре на французское городское устройство 1791 г.», к положению, «низводящему городские самоуправления до роли второстепенных колес прусского государственного полицейского механизма»⁶¹. Разоблачить этот манёвр Бисмарка было долгом руководителей революционного крыла немецкого рабочего движения. Этого ждали от них коммунары. «Уже из нескольких строк Вашего последнего письма явствует, — писал Марксу 25 апреля 1871 г. член Коммуны Франкель, — что Вы сделаете все возможное, чтобы разъярить всем народам, всем рабочим, и в особенности немецким, что Парижская коммуна не имеет ничего общего со старой германской общиной. Этим Вы окажете, во всяком случае, большую услугу нашему делу»⁶².

Опираясь на разъяснение сущности и значения Коммуны, данное Марксом в его письмах немецким интернационалистам, Бебель смог, выступая в рейхстаге 25 мая 1871 г., дать достойную отповедь Бисмарку. Свою речь Бебель начал следующими словами: «Господа, я не присутствовал на этом заседании, но, читая отчет, был поражен, узнав, что собрание серьезных людей выслушало без смеха подобное заявление. Каждый из нас ведь знает германское и, в частности, прусское коммунальное и городовое положение, и я думаю, что если бы Коммуна боролась только за это, то было бы жаль каждой шепотки пороха, так как, по-моему, прусское городовое положение не стоит даже одного выстрела». Бебель не просто высмеял утверждение Бисмарка, а смело показал, насколько его интервенционистские действия против Коммуны противоречат его собственным словам. «Да, господа, там действуют более высокие стремления и г. рейхсканцлер, если бы он тогда говорил серьезно, должен был бы выступить на стороне Коммуны, а не поступать так, как он это сделал через несколько дней, когда по одному из пунктов мирного договора обязался предоставить в распоряжение французского правительства пленных и отправить их против Парижской Коммуны, т. е. как раз против защитников прусского городского положения (смех в зале). Он не включил бы тогда в договор условия, по которому первый платеж в пятьсот миллионов должен быть произведен через 30 дней после падения Парижа»⁶³.

Сообщая Либкнехту о том, что ему и Марксу очень нравятся речи и статьи Бебеля, Энгельс подчёркивал в них ту «непринужденность, с которой рабочий свысока высмеивает всяких попов, юнкеров и буржуа...»⁶⁴. Именно этими чертами и была отмечена речь 25 мая.

Далее, когда один из сторонников «коммуналистского» истолкования сущности революции 18 марта в своём письме в редакцию «Volksstaat» сослался в качестве доказательства на малочисленность осуществлённых Коммуной социалистических мероприятий, то редакция ответила ему следующим образом: «Подобное суждение о Коммуне абсолютно неверно. Действительно, число проведенных Коммуной социалистических мероприятий невелико. Однако это является неизбежным следствием условий, в которых она возникла, и ничего не меняет в том факте, что она являлась правительством пролетариата, несмотря на участие в нем буржуазно-демократических элементов»⁶⁵.

⁶¹ Там же, стр. 316.

⁶² «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы», стр. 196.

⁶³ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. I Legislaturperiode, I Session. Bd. II. 1871, S. 921.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 116.

⁶⁵ «Der Volksstaat», 30 сентября 1871 года.

Это был совершенно правильный ответ, так как «великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа»⁶⁶.

Особого внимания заслуживает последовательное освещение на страницах «Volksstaat» стремления к миру с другими народами и интернационализма правительства революционного Парижа. Именно об этом свидетельствовало опубликованное в газете 25 марта заявление ЦК Национальной гвардии о том, что ЦК твердо решил соблюдать, несмотря на всю их тяжесть, предварительные условия мира с Германией, «чтобы обеспечить этим путем спасение республиканской Франции и дело всеобщего мира». «Легко доказать, — писала редакция пять дней спустя, — что немцы заинтересованы в успехе социальной республики во Франции. Мы, как и французские рабочие, хотим мира. А Тьер, которого с полным основанием обвиняют в том, что он всегда лелеял планы захвата Рейна, ухватится за первую же возможность, чтобы при помощи новой войны между Францией и Германией отдалить волнения внутри страны».

«Пролетариат как во Франции, так и в Германии, — в отличие от реакционеров и буржуа обеих стран, преодолел национальную вражду», — с гордостью констатировал орган эйзенахцев, подтверждая это следующим фактом. Как только власть в Париже перешла в руки рабочих, проживавшим там немецким ремесленникам и рабочим были предоставлены те же гарантии личности, что и французам. Редакция высмеяла утверждение немецких буржуазных газет о том, что это поведение коммунаров объясняется их боязнью вступить в конфликт с немцами. «Как будто бойцы Коммуны с самого дня 18 марта не доказывали ежедневно и ежечасно свою храбрость, энергию и выдержку, борясь не с одним Версалем, а с Версалем, поддерживаемым опруссаченной Германией!» Редакция умело использовала такой сам за себя говорящий факт, как избрание в Коммуну немецкого рабочего Франкеля. «Если бы преследования немцев были прекращены «из страха» перед ними, то социалист Лео Франкель тоже «из страха» выбран в Совет Коммуны? Послушайте, что пишет об этом ее официальный орган: «В соседних странах существует обычай избрания почетных граждан. Избрание Франкеля в правительство Коммуны является более высоким актом уважения и доверия, в самом себе уже заключающем право почетного гражданства»⁶⁷.

Напомним, что впоследствии Маркс именно эти факты привёл как доказательство интернационализма Коммуны. «Вторая империя была праздником космополитического мошенничества. ...Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело. Буржуазия успела в промежуток между внешней войной, проигранной из-за ее измены, и гражданской войной, вызванной ее заговором с чужеземным завоевателем, показать свой патриотизм полицейской травлей против немцев по всей Франции. Коммуна назначила немецкого рабочего своим министром труда»⁶⁸. Среди активных деятелей Коммуны были революционеры и других национальностей. Одним из организаторов «Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым» являлась русская революционерка Елизавета Томановская (Дмитриева), через которую Маркс вёл конспиративную переписку с руководящими членами парижской организации Интернационала. Польские революционеры Ярослав Домбровский и Валерий Врублевский — выдающиеся военачальники Коммуны — бесстрашно и самоотверженно защищали её дело, которому преданно служили и несколько сот их соотечественников. Сам Франкель, о котором

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. Госполитиздат. 1949. стр. 485.

⁶⁷ «Der Volksstaat», 25 марта 1871 года.

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 485.

идёт речь, в письме к Марксу от 30 марта 1871 г. подчёркивал, что он оценивает столь радостный для него факт избрания в Коммуну «...исключительно со стороны его международного значения»⁶⁹.

Коммуна сыграла большую роль в развитии взглядов германских рабочих на государство, помогла им понять эксплуататорскую сущность только что созданной германской империи. Руководители революционного крыла рабочего движения — Бебель и Либкнехт — ещё до появления этой империи на свет своими выступлениями в рейхстаге нанесли ей сильнейшее моральное поражение. Бебель был прав, предсказывая, что её придётся провозглашать на Жандармской площади⁷⁰, так как народ примет её лишь в присутствии жандармов. Немецкие рабочие подчинились силе обстоятельств, но, как свидетельствуют самые разнообразные источники (например, донесения русского посла в Берлине Убри), они не только не проявили ожидавшегося от них правящими классами «энтузиазма», но встретили день 18 января 1871 г. с поразительным «равнодушием», за которым в действительности таились скрытая враждебность и глухое недовольство. Именно эти чувства активизировались и вышли наружу под влиянием Коммуны, ибо она являлась полным антиподом не только разгромленной Второй империи Наполеона III, но и новоявленной империи Гогенцоллернов. Яркой демонстрацией ненависти германских рабочих к «своей» империи и их беспредельных симпатий к героям Парижской Коммуны является встреча ими возвратившихся из Франции «победителей». Во время триумфального вступления в Берлин императора Вильгельма и его армии народ кричал: «Да здравствует Коммуна!» Такого рода настроения были характерны не только для рабочих, шедших за эйзенахцами, но и для рабочих Северной Германии, находившихся до этого времени под влиянием лассальянцев. «Рабочие Франции! Вы освободили себя от императорской власти, мы же оказались под ее пятой. Но мы не видим в ней ни гарантии мира, ни гарантии дальнейшего развития идей свободы. Ночь реакции, более мрачной, чем когда-либо, грозит поглотить нас, и мы выступаем ей навстречу с нашим единственным лозунгом: «Социальное освобождение пролетариата!..»⁷¹. Так писали рабочие Ганновера в своём приветственном обращении к коммунарам. Весть о том, что Париж находится в руках социалистов, озарила их, «словно луч солнца из-за темных туч».

На тёмном фоне злобной политической реакции, в которую была погружена Германия, окружённая глухими стенами мрачной «прусской казармы», особенно ослепительно сияла разгоревшаяся в Париже заря политического, социального освобождения пролетариата, заря мира и дружбы народов, невиданно прекрасная заря человеческого счастья. Естественно и закономерно поэтому, что по мере роста симпатий немецких рабочих к Коммуне они проникались всё большей враждебностью к реакционным порядкам, утвердившимся в Германии. «Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства»⁷², — писал Маркс Л. Кугельману 12 апреля 1871 года. К этому сопоставлению и была направлена мысль передовых рабочих Германии, что приводило в бешенство и пугало тех, кто рассчитывал вечно и беспрепятственно распоряжаться в этой огромной казарме. Не успел социал-демократ Фроме сопоставить деятельность Коммуны с порядками в Германии (Кассель, 6 мая), как полицейский комиссар распустил собрание.

⁶⁹ «Письма деятелей Первого Интернационала в дни Коммуны 1871 г.». М. 1933, стр. 22.

⁷⁰ Название одной из площадей Берлина.

⁷¹ «Der Sozial-Demokrat», 21 апреля 1871 года.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 106.

Его коллега в Майнце грубо перебивал рабочих ораторов, как только они упоминали императора Вильгельма I, Бисмарка и рейхстаг.

Коммуна показала в действии демократию нового, высшего типа — пролетарскую демократию. Её деятельность с особенной силой оттенила реакционный характер первого имперского рейхстага, избранного путём всеобщего избирательного права, столь широко рекламировавшегося Лассалем и лассальянцами. На 20-тысячном митинге в Хемнице 23 апреля 1871 г. ораторы звали к «решительной борьбе». Социал-демократ Беккер пояснил в своём выступлении, что свою волю рабочие должны выразить именно на подобных массовых митингах и собраниях, «так как от реакционного рейхстага нечего ждать свободы».

Руководители эйзенахцев Бебель и Либкнехт изо дня в день в своей печатной и устной пропаганде противопоставляли заботы Коммуны о трудящихся тяжёлому положению трудового народа в германской империи, интернационализм Коммуны, её миролюбие — духу прусско-германского шовинизма, агрессивного милитаризма «славного царства Бисмарка и Штибера». «Германская империя... намерена искать поддержки не в народе, а в привилегированных сословиях. Поэтому она не потерпит существования у своих границ республики, стремящейся к равенству, свободе и братству», — предсказывала уже 25 марта редакция «Volksstaat». Сообщая о мерах мобилизационного характера, принятых правительственными кругами Германии в ответ на события в Париже, газета делала вывод, что среди этих кругов господствуют «враждебные свободе намерения, проявляющиеся тем очевиднее, что новое правительство в Париже высказалось в миролюбивом духе». В дальнейшем орган эйзенахцев на основании множества конкретных фактов смело разоблачал многообразные формы косвенной, а в последние дни борьбы Коммуны и прямой германской интервенции⁷³. «Нет ничего невозможного в том, что в ближайшем будущем произойдёт вторая осада Парижа, на этот раз силами уже не одних немецких войск, а союзной армией германского императора и французских фанатиков «партии порядка», — писала газета 8 апреля.

«Нас прозвали «международной партией действия». Хорошо, мы согласны на это название. Отныне нашим лозунгом будет: международное действие пролетариата против международной реакции буржуазии и помещиков»⁷⁴.

Таким образом, последователи Маркса в Германии сделали совершенно правильный вывод из тех фактов, которые дали Марксу основание для следующего обобщения в его бессмертном труде о Коммуне: «Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства едины суть»⁷⁵.

Коммуна, по словам В. И. Ленина, «разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии». Французская буржуазия, пойдя во имя скорейшего подавления пролетарской революции на сговор с вчерашним противником, сделала этим один из первых крупных шагов по пути измены национальным интересам, по пути, который привёл её в наши дни, как и буржуазию других стран, к превращению не только в главного врага освободительного движения, но и в класс, продающий права и независимость нации за доллары, выбросивший за борт знамя национальной независимости и национального суверенитета.

«В своём суждении о событиях руководствуйтесь следующим положением: правительственная и буржуазная реакция предала Францию из

⁷³ См. очерк автора — приложение к названной выше работе А. И. Молока, стр. 162—164, 168—171.

⁷⁴ «Der Volksstaat», 26 апреля 1871 года.

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 498.

ненависти к революции»⁷⁶ — такой совет дал один из влиятельных членов Коммуны в опубликованном редакцией «Volksstaat» письме. Редакция сопроводила это письмо следующими комментариями: «Капитуляция Парижа была государственным переворотом, осуществленным после предварительного сговора с Бисмарком, Гладстоном и Бейстом. Целью переворота было предотвратить революционную войну. Эта капитуляция была Седаном «честной» французской буржуазии, чувствующей себя, подобно «декабрьской банде» Наполеона III, солидарной с прусским военно-поповско-полицейским государством»⁷⁷.

«Крайне характерно,— писал Маркс Либкнехту 6 апреля 1871 г.,— что император единой Германии, единое государство и единый парламент в Берлине словно в о с е не существуют для внешнего мира. Всякое дуновение ветра в Париже вызывает больше интереса»⁷⁸. Эти слова Маркса вдохновили Либкнехта на одну из его самых резких и смелых статей. «На фоне величественных событий, происходящих в Париже,— писал он,— особенно резко выступает комическая ничтожность берлинского рейхстага. Там — всемирно-историческая трагедия. Здесь — кукольная комедия. Там — жестокая классовая борьба, в которой решается будущее Европы; здесь — детская забава. Там — пролетариат, титанически борющийся с буржуазией, схватка нового общества со старым, здесь — «петрушка» Бисмарк... Существует логика фактов, по которой сейчас слово принадлежит Парижу, потому что он — столица мира, несмотря на императора — Бомбу и его приспешников»⁷⁹. Это выступление газеты, как видим, открыто и страстно выразило чувства, владевшие в те дни передовыми рабочими Германии: их искреннюю, горячую симпатию к коммунарам, преклонение перед величием их подвига и резкую враждебность, нескрываемое презрение к реакционной германской империи, её канцлеру. Именно поэтому статья вызвала припадки ярости имперских властей. «Итак, судя по телеграммам, «Volksstaat» был вчера снова конфискован за оскорбление величества,— писал Либкнехту Энгельс 20 апреля 1871 года.— Удивляюсь, что это не случилось еще раньше. Ты очень дерзок...»⁸⁰.

В ответ на гонения Либкнехт выступил с новой статьёй, на этот раз направленной на разоблачение подлого пресмыкательства перед юнкерством трусливой реакционной немецкой буржуазии, выражающегося в прислужничестве буржуазной печати перед имперским правительством. Он заявил, что орган социал-демократической партии, несмотря на все репрессии, будет попрежнему выступать против врага с открытым забралом. Но о чём говорит самый факт этих гонений? «Было время (не в Германии, конечно!),— писал Либкнехт,— когда печать являлась одним из передовых укреплений буржуазной свободы: когда слово оказывалось бессильным и силе должна была быть противопоставлена сила, то газетный шрифт переливался в пули. Теперь буржуазная печать — это рабская прислужница правительства, добровольно несущая для них службу доносчика и сыщика, выноживающего для полиции, прокуроров и судей «государственных изменников». Эта «защитница свободы и права» теперь занята «практическим» ремеслом ищейки и шпиона. В этом упадке — чтобы не выразиться более сильно,— буржуазной печати наглядно проявляется деградация самой буржуазии. И Германии принадлежит «честь» дать этой деградации самое классическое выражение»⁸¹.

⁷⁶ «Der Volksstaat», 26 апреля 1871 года.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 103.

⁷⁹ «Der Volksstaat», 12 апреля 1871 года.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 111.

⁸¹ «Der Volksstaat», 29 апреля 1871 года.

Под влиянием Коммуны совершался и известный отход немецкой социал-демократии от трусливой, филистерской немецкой мелкой буржуазии и её главной политической организации — «Народной партии». Например, многолюдное собрание организации социал-демократической партии в Фюрте (Бавария) постановило «впредь игнорировать» эту «Народную партию» вследствие её враждебного отношения к Коммуне, выразившегося в заявлении о том, что «только монархия может спасти Францию»⁸².

Коммуна, стимулируя формирование у передовых немецких рабочих революционных идей и представлений, высвобождала тем самым сознание немецких пролетариев из-под влияния лассальянцев — этих проводников идеологии господствующих классов в рабочем движении. А прояснение классового сознания толкало рабочих к сближению с «партией марксистов» — эйзенахцами. «И здесь начинает светать», — читаем в корреспонденции в «Volksstaat» о посвящённом Коммуне собрании 24 апреля в Гамбурге, который ранее являлся одним из главных опорных пунктов лассальянцев. «Эслинген скоро превратится в прочную опору нашей партии»⁸³, — сообщает автор другой корреспонденции, описывающей провал, постигший проповедника «свободной религии» Шустера, который выступал на рабочем собрании с нападками на Коммуну.

Расходясь с собраний, посвящённых Коммуне, многие рабочие заявляли о своём желании вступить в социал-демократическую партию.

Эйзенахцы и члены лассальянского «Всеобщего германского рабочего союза» численно составляли лишь незначительное меньшинство немецкого рабочего класса. Поэтому особенно важно, что в Германии, как и повсюду, гром парижских пушек разбудил самые отсталые слои пролетариата — женщин-работниц, беднейших ремесленников. Так, например, группа ремесленников Нижнего Бармена, посетив 10 июня 1871 г. собрание, посвящённое Коммуне, заявила, что взгляды социал-демократической партии «наиболее здравые и последовательные».

Поражение Парижской Коммуны не ослабило растущей политической активности германских рабочих. И после падения Коммуны продолжался процесс активизации политических настроений рабочих масс, роста их симпатий к социализму. С конца мая в Германии началась новая волна митингов и собраний, посвящённых оценке исторической роли Коммуны, произошёл новый значительный рост революционно-социалистической пропаганды. «С некоторого времени заметно, как наше дело, вероятно, под влиянием революции в Париже и варварского поведения версальского правительства, находит себе все больше и больше сторонников. Рабочий класс в целом должен наконец понять, что путь, по которому мы идем к разрешению социального вопроса, — единственно правильный», — писал один из корреспондентов социал-демократической рабочей печати. И рабочий класс Германии действительно стал это понимать. Август Бебель в своей речи в рейхстаге 25 мая 1871 г., опровергнув злостную клевету Бисмарка, будто революция 18 марта боролась за прусское «городовое положение», смело разоблачил интервенционистские действия Бисмарка и бросил в лицо затхлым дворянам и реакционным буржуа свои пророческие слова: «Если даже в данный момент Париж и покорен, то я напоминаю вам о том, что борьба в Париже — лишь небольшая схватка на аванпостах, что главное в Европе еще впереди и что не пройдет и несколько десятилетий, как боевой клич парижского пролетариата: «Война дворцам, мир хижинам, смерть нужде и тунеядству» — станет боевым кличем всего европейского пролетариата»⁸⁴. Подлинно «громовая» речь Бебеля относится к числу наиболее выда-

⁸² Там же, 21 июня 1871 года.

⁸³ Там же, 13 сентября 1871 года.

⁸⁴ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages, I Legislaturperiode, I Session. Bd. II, S. 921.

ющихся его выступлений, о которых И. В. Сталин сказал, что это речи, «...бичующие затхлых дворян, срывающие маску с либералов, пригвождающие к позорному столбу «имперское правительство»⁸⁵. Речь эта встретила горячее одобрение социал-демократической партии и многих тысяч немецких рабочих. Маркс и Энгельс считали, что Бебель своими выступлениями в рейхстаге отлично представлял интересы германских рабочих. Речь Бебеля вызвала яростный вой в рейхстаге и подлинный «кошачий концерт» в буржуазно-помещичьей немецкой печати; она явилась причиной тревоги и страха всей европейской реакции. «Мы знали уже давно, что многое гнило в наших социальных отношениях, — писала «Kölnische Zeitung» в статье под многозначительным названием «Коммуна в Германии», — но никто не подозревал, что в рабочем классе свирепствует такая глубокая, непримиримая ненависть, такое революционное настроение...»⁸⁶. Действительно, революционное настроение среди немецких рабочих необычайно усилилось под влиянием Коммуны. «В каких мучениях истекла кровью и погибла Коммуна! Какие всходы даст такой посев? Даже тот, кто был настроен самым мягким образом, и тот придет к убеждению: «Око за око, зуб за зуб»⁸⁷, — писал социал-демократ Ю. Бремер И. Ф. Беккеру 2 июля 1871 года. Раньше всего эти «всходы» показали в пролетарских кварталах столицы империи. В июле 1872 г. в восточных районах Берлина в связи с выселением бедноты из её лагун произошли кровопролитные бои рабочих с полицией и войсками, в ходе которых на ряде улиц были сооружены баррикады и поднято красное знамя.

Рост революционного настроения среди рабочих масс Германии и всей Европы вызвал осенью 1871 г. организацию правительствами и буржуазной реакцией «крестового похода» против Интернационала. «Вас ожидают в ближайшем будущем усиленные преследования, — предупреждал Энгельс Либкнехта 11 сентября 1871 года. — Не подлежит сомнению, что Бисмарк столкнулся с австрийцами и итальянцами относительно всеобщей травли». Он «хотел бы, к своей выгоде, оттеснить рабочее движение в швейцеровское русло»⁸⁸. Однако именно благодаря влиянию Коммуны сделать это уже было невозможно. Швейцеровское, лассальянское, узко-сектантское «русло» весной 1871 г. сразу обмелело. Полноводный поток массового рабочего движения явственно устремился в противоположном, революционном направлении. Швейцеровское русло затягивало тиной, оттуда несло смрадом полного идейного и морального разложения. В бессильной злобе, вызванной ослаблением их влияния, лассальянские вожаки окончательно сбрасывают с себя маску, и в эти дни, когда Интернационал подвергался ожесточённой травле, они становятся активными участниками международного заговора врагов марксизма в рабочем движении, группирующихся вокруг бакунистов. «Швейцера и Газенклевера уже заключили открытый союз со здешними негодями, — Везинье, Ландеком, Смитом, Шнейдером и др., — а эти последние, в свою очередь, состоят в переписке с юрцами и американскими проходимцами...»⁸⁹ — писал Энгельс. Именно в это время вожаки лассальянцев, которые, по словам Маркса, «в течение ряда лет были помехой для организации пролетариата», теряя почву под ногами, в силу логики фракционной борьбы кончили тем, что стали просто-напросто орудием в руках полиции⁹⁰. Начавший выходить с 1 июля 1871 г. в Берлине «Neuer Sozial-Demokrat» — этот продажный, субсидируемый Бисмар-

⁸⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 207.

⁸⁶ «Kölnische Zeitung», 12 апреля 1871 года.

⁸⁷ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы», стр. 217.

⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 148.

⁸⁹ Там же, стр. 271—272. Везинье и Ландек — члены антимарксистской «Французской секции 1871 г.», борющейся против Генерального совета Интернационала; Смит — английский член I Интернационала, поддерживавший их.

⁹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. II, стр. 417.

ком⁹¹ орган лассальянцев — открыл поход против Интернационала, против его руководителей Маркса и Энгельса, против самого принципа пролетарского интернационализма. Лондонский корреспондент этой грязной газеты, известный интриган и раскольник Ю. Шнейдер писал в ней: «Как можно любить другие народы, язык, нравы и обычаи которых нам неизвестны?» Эти подлые враги марксизма рассчитывали, что после подавления Коммуны реакции (не без их помощи, конечно!) удастся вновь, как это было в 1849 г., загнать революционное рабочее движение в подполье. Но они жестоко просчитались. Коммуна вселила в умы передовых немецких рабочих уверенность в своих силах и в конечном торжестве своих идей, среди которых особенно большое значение имела идея международного братства рабочих. «Сколько бы ни сажали в тюрьмы вождей, сколько бы ни закрывали рабочих газет, идеи интернационализма, интернациональное движение пролетариата будут жить. Идеи нельзя искоренить ни тюрьмами, ни расстрелами. Коммуна побеждена, но придет время, и она восстанет, еще более величественная и победоносная»⁹², — так говорил Либкнехт, выступая 27 июля 1871 г. в Лейпциге с 3-часовым докладом на многолюдном собрании, созванном социал-демократической партией, на котором председательствовал Бебель. Содержание этого доклада говорит об определяющем влиянии на его основные положения и выводы гениального труда Маркса о Коммуне — «Гражданская война во Франции», — немецкий перевод которого, сделанный Энгельсом, печатался на страницах «Volksstaat» с 28 июня 1871 г., а затем был выпущен отдельным изданием.

Борьба Коммуны, нанесшей первый удар по основам буржуазного общества и государства, вызвала у немецких рабочих вполне понятное стремление к теоретическому осмыслению сущности и значения событий, потрясших Европу весной 1871 года.

Ответ на возникавшие у них в связи с этим вопросы они и находили в проводившейся эйзенахцами революционно-социалистической пропаганде, развертывавшейся всё шире под влиянием Коммуны. Главным содержанием этой пропаганды являлась популяризация основных программных и тактических положений марксизма. Так, например, 28 августа 1871 г. Густав Квасневский, руководитель берлинской секции I Интернационала, член ревизионной комиссии социал-демократической партии, сделал в берлинском социал-демократическом объединении доклад на тему «Социализм и коммунизм»; подробное изложение этого доклада было напечатано в «Volksstaat». «Масса пролетариев, объединенная в единое целое благодаря своему Международному товариществу, открыто провозглашает, к чему она стремится... Карл Маркс уже давно в своём «Коммунистическом Манифесте» бесстрашно указал пути, ведущие к цели; в этом году нам пришлось вновь увидеть борьбу пролетариата с его угнетателями: если будет опровергнута подлая клевета на коммунаров, то кроме нас еще многие придут к правильному суждению о них»⁹³, — говорил он.

Под влиянием Коммуны произошёл поворот передовых немецких рабочих и их руководителей к изучению экономической теории Маркса, вызвавший в 1871—1872 гг. рост популярности «Капитала». Интерес к «Капиталу» находился в прямой связи со значительным усилением именно в это время экономической стачечной борьбы немецких рабочих. 25 апреля Либкнехт сообщал Марксу: «Во всей Германии читают доклады о прибавочной стоимости и нормальном рабочем дне по твоему «Капиталу»: налаживается массовая агитация за «Капитал»»⁹⁴. В результате

⁹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 208.

⁹² «Der Volksstaat», 2 августа 1871 года.

⁹³ Там же, 2 октября 1871 года.

⁹⁴ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы», стр. 197.

этого осенью 1871 г. было распродано первое издание первого тома. Маркс приступил к подготовке второго издания, которое для большей доступности издавалось отдельными выпусками. В послесловии к появившемуся в мае 1873 г. второму изданию «Капитала» в одном томе Маркс писал: «Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса, есть лучшая награда за мой труд»⁹⁵.

Резко увеличились популярность и авторитет революционно-социалистической печати. В то время как газеты лассальянцев закрывались одна за другой, число подписчиков органа эйзенахцев «Volksstaat» возросло с 2 790 в начале 1871 г. до 4 146 в третьем квартале этого года. Фактический рост читательской аудитории газеты был ещё более значительным: её читали на собраниях, она лежала на столах в рабочих столовых, пивных, заменявших в то время рабочим клубы. К концу 1871 г. периодическая печать социал-демократической партии насчитывала до 20 тысяч подписчиков — в четыре раза больше, чем газеты лассальянцев. Особенно следует отметить роль газеты «Volksstaat», редакция которой благодаря разъяснениям, советам и критическим указаниям Маркса и Энгельса смогла занять правильную позицию в сложном политическом кризисе весны 1871 года. Только благодаря всесторонней, неоценимой помощи Маркса и Энгельса газета справилась со своими трудными и ответственными задачами. Линия газеты «...очень смела и пользуется нашим полным признанием»⁹⁶, — писал 22 июня 1871 г. Энгельс её редактору Либкнехту.

«Германские рабочие держались в этом последнем большом кризисе превосходно, лучше всех остальных»⁹⁷ — в этих словах Энгельса заключена итоговая оценка поведения немецких пролетариев в дни Коммуны. По словам Маркса, своим массовым движением солидарности с коммунарами они доказали, что являются единственной партией в Германии, представляющей социалистические стремления⁹⁸. А это значит, что в сознании передовых немецких рабочих под влиянием Коммуны революционное направление взяло верх над оппортунистическим. С явной очевидностью обнаружилось это в последующий период, особенно во время наивысшего подъёма рабочего движения в годы господства исключительного закона против социалистов. Коммуна нанесла сильнейший удар лассальянству, под её влиянием центром притяжения всех здоровых сил движения стали эйзенахцы, как «партия марксистов».

Движение солидарности немецких рабочих с Парижской Коммуной составляет яркую страницу в истории мирового революционного и рабочего движения. Память о героических днях Парижской Коммуны, говорил в 1932 г. в Париже Эрнст Тельман, «должна послужить к укреплению в сердце каждого пролетария духа классовой солидарности...»⁹⁹.

Об этом выступлении Э. Тельмана недавно напомнил председатель Социалистической единой партии Германии Вильгельм Пик. Трудящихся Германии и Франции, сказал он, объединяет прочная, нерушимая дружба. «Их объединяет также и то, что великий сын немецкого народа Карл Маркс, создавая свои великие произведения, черпал свое учение из истории французского трудового народа, из революции 1848 года и в особенности из истории Парижской Коммуны.

Я укажу также, — сказал он в заключение, — на выступление тов. Эрнста Тельмана 31 октября 1932 года в Париже, в зале Бюлье, в кото-

⁹⁵ К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1949, стр. 11.

⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 128.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ См. «Лондонская конференция Первого Интернационала 17—23 сентября 1871 г.». М. 1936, стр. 104.

⁹⁹ «Правда», 3 ноября 1932 года.

ром он высказался за дружбу с французскими трудящимися и за пролетарский интернационализм»¹⁰⁰.

Традиции пролетарского интернационализма, ярко проявившиеся в движении солидарности немецких рабочих с коммунарами, входят в наши дни неотъемлемой составной частью в совместную борьбу рабочего класса, народов Франции и Германии против планов разжигания новой мировой войны, против попыток империалистов лишить народы Франции и Германии национальной независимости и отбросить их во мрак глубочайшего политического и социального порабощения.

В этом сила, жизненность и значение этих вечно живых традиций пролетарского интернационализма. В этом научно-политическая актуальность их глубокого изучения и широкой популяризации.

¹⁰⁰ Заявление Вильгельма Пика французскому писателю Роже Вайяну. «Правда», 12 января 1953 года.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ